

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ

(К 20-летию со дня смерти)

ПАРТИЯ

(из поэмы «ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН»)

Слова
у нас,
до важного самого,
а привычку входит,
ветшают, как платье.
Хочу
снять заставить заново
величественнейшее слово —
партия.
Единица!
Кому она нужна?!
Голос единичны
тоньше писка.
Кто ее усамнит? —
Разве жена!
И то,
если не на базаре,
а близко.
Партия —
это
единый ураган,
из голосов спрессованный
тихих и тонких,
от него
лопаются
укрепления врага,
как в канонаду
от пушек
перепонки.
Плохо человеку,
когда он один.
Горе одному,
один не воин —
каждый дюжий
ему господин,
и даже слабые,
если двое.
А если
в партию
сгрудились малые,
слайся, враг,
замри и ляг!
Партия —
рука миллионная,
сжатая
в один
хромющий кулак.

Единица — вадор,
единица — ноль.
один —
даже если
очень важный —
не подымет
простое
пятивершковое бревно.
тем более
дом пятиэтажный
Партия —
это
миллионов плеч.
друг к другу
прижатые туго.
Партий
стройки
и небо возьмем,
держа
и взымая друг друга.
Партия —
спинной хребет рабочего класса.
Партия —
бессмертие нашего дела.
Партия — единственное,
что мне не изменит.
Сегодня приказчик,
а завтра
парства стираю в карте я.
Мозг класса,
дело класса.
сила класса.
слава класса —
вот что такое партия.
Партия и Ленин —
близнецы-братья, —
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим — Ленин,
подразумеваем — партия,
мы говорим — партия,
подразумеваем — Ленин.
1927 г.

Плакаты работы художника В. Корепкова.
(Издательство «Искусство»).

Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка

К этому месту будет подвезено в пятилетку 1.000.000 вагонов строительных материалов. Здесь будет гигант металлургии, угольный гигант и город в сотни тысяч людей.

Из разговора.

По ношу
тучи бегают,
дождями
сумрак сжат,
под старую
телегой
рабочие лежат.
И слышит
шопот гордый
вода
и пол
и пад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Темно свинцовою —
и дождик
толит, как жгут:
сидят
в грязи
рабочие,
сидят,
лучину жгут.
Сливают
губы
с холода,
по губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Свела
промоглость
корчею —
неважный
мокр
уют,
сидят
вплотях
рабочие,
подмокнул
хлеб
жуют.
Но шопот
громче голода —
он кроет
капель
спад:
«Через четыре

года
будет
город-сад!
Здесь
взрывы закудахают
в разгон
медвежьих банд,
и взроет
недра
шахтою
стоугольный
«Гигант».
Здесь
встанут
стройки
стенами.
Гудками
пар
сипи.
Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.
Здесь дом
дадут
хороший нам
и ситный
без пайка,
а за Байкал
отброшенная
пошлота тайга».
Рос шопот
над темью
рабочего
тучных стад,
а дальше
неразборчиво,
лишь слышно —
«город-сад».
Я знаю —
будет,
я знаю —
саду
ивость.
Когда
такие люди
в стране
есть!
1929 г.

СТОЛП

Товарищ Попов
Чуть-чуть не от пауга.
Чуть
не от станка
и сохи.
Он —
даже партией,
но он
перепуган,
брюзжит
баритоном сухим:
«Раскрой газетку —
любая
колеблется
глыба.
Брюют.
Кого?
Аж волосья
встанут
от фамилий
лыбом.
Бедь это —
подрыв.
Бритику
осторожнее
должно вести.
А эти
критикуют,
не шая авторитета
ни чина,
ни стажа,
ни должности.
Критика
снизу —
это яд.
Сверху —
вот это лекарство!
Ну, можно ль
позволить
низам,
подрай
всем
заниматься критиканством?!
О мерзостях
наших
трубим и поем.
Или
и в газетах срались я!
Ну, я ошибся...

Так в тресте ж
в моем
имеется
ревизионная комиссия!
Ведь можно ж.
не задевая столпов,
в кругу
своих
братишек
вызвать.
сказать:
— Товарищ Попов,
орудуй...
тово...
погнись...
Пристали
до тошноты.
Обмазывают
до рвоты...
Товарищи,
кистью густою,
ведь это же ж
подорвет
государственные устои!
Кого критикуют? —
вопит, розовна
аж голос
низжит
тенорком. —
Вчера —
Иванова.
сегодня —
меня,
а завтра —
Совнарком!
Товарищ Попов,
оставьте скучаж.
Болтовня о подрывах —
ложь!
Мы всех зовем,
чтоб в лоб.
а не пиясь,
критика
дринь
косила. —
и это
лучшее из доказательств
нашей
чистоты и силы.
1928 г.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО...

(из поэмы «ХОРОШО»)

Хвалить
не заставят
ни долг,
ни стих
всего,
что делаем мы.
Я
пол-отчества мог бы
снести,
а пол —
отстричь, умыть.
Я с теми,
кто вышел
отстричь
и месь
в сплошной
лихорадке
буден.
Отечество
славы,
которое есть,
по трижды —
которое будет.
Я
планов паших
люблю громаде,
размаха
шаги сажень,
Я радуюсь
маршу,
которым идем
в работу
и в сраженья.

Я вижу —
где сор сегодня гнет,
где только земля простая, —
на сажень вижу,
из-под нее
коммуны
дома
прорастают.
И меркнет
доверье
к природным дарам,
с унылым
пудом сента,
и поворачиваются
к тракторам
крестьян
заскорузные сердца.
И планы,
что раньше
на станциях лбом
задерживал
нищенства тормоз.
сегодня
встают
из дна голубого,
железом
и камнем формясь.
И я,
как в весну человечества,
рожденную
в трудах и в божь,
пою
мое отчество,
республику мою!
1927 г.

Величайший поэт нашей эпохи

7 ноября 1917 года крейсер «Аврора» громом своих пушек, направленных на Зимний дворец, возвестил начало Великой социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества.
«Моя революция», — говорил с законной гордостью Маяковский.
Маяковский — один из лучших представителей русской демократической интеллигенции, с первых же дней победы революции, в труднейших условиях становления нового государства рабочих и крестьян, целиком и безраздельно связав свою судьбу с народом.
Ненависть и презрение ко всему старому — отжившему, вера в то, что советской России принадлежит великое будущее, что впереди «за горами гора» — солнечный край непочатый, вдохновляли поэтическое творчество Маяковского.
После Октябрьской революции в литературной среде еще сильны были влияния буржуазного декаданса, противопоставлявшего искусству действительности, проповедывавшего лживую теорию «искусства для искусства». Маяковский негодовал на поэтов, которые отгораживались от великих событий современности. В первые же годы революции он со всей страстью отдался работе над газетными фельетонами и подлисами к плакатам Российской телеграфной агентств, называвшегося сокращенно «Ростом».
Полемизируя с идеологами «чистого искусства», Маяковский подчеркивал свою гордость работой в «Опах Рост». «Пусть вспоминают лирики стишки, под которые влюблялись, — говорил поэт, — мы рады вспомнить строки, под которые Ленин бежал из Орла».
5 марта 1922 года в газете «Известия» появилось стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся» — первое его выступление на страницах центральной советской печати. Стихотворение Маяковского обратило на себя внимание Владимира Ильича Лени-

на. Ленину понравилась резкость, с какой Маяковский высмеивал прозаседавшихся «горе-руководителей», не умеющих принять самостоятельного решения.
Одобрение Ленина открыло поэту. Он не пропустил ни одного значительного международного события, ни одного существенного явления внутренней жизни советской республики, чтобы не откликнуться на них. Он клеймил лицемерных буржуазных парламентариев, которые устраивают доклады о помощи пострадавшим от неурожая в Поволжье (в 1921 году), организуя в то же время банды белой эмиграции против Советского Союза. Он обличает министров — делегатов Генуэзской конференции 1922 года, требующих от советского правительства уплаты старых царских долгов.
В 1924 году под непосредственным впечатлением смерти Владимира Ильича Маяковский приступил к работе над поэмой о Ленине. Вместе со всем народом поэт разделял боль великой утраты.
Выражая скорбь народа, его любовь к Владимиру Ильичу, Маяковский возмущался в своей поэме о слепоте вождя и массы, личности и коллектива. Враждебно настроенные к Маяковскому критики-эстетисты утверждали, что художественное творчество требует «дистанции», что нельзя создать настоящее художественное произведение сразу же, по следам событий: нужно, чтобы прошли годы для того, чтобы отразить в искусстве образ Ленина.
Маяковского не могли смутить эти лицемерные советы. Поэт чувствовал свой долг перед народом.
И как бы отвечая враждебным критикам, требовавшим «пафоса дистанции», Маяковский в поэме Владимир Ильич Ленин писал:
Голосует сердце —
я писать обязан
по мандату Долга.
Маяковский блестяще справился со своей задачей. Он сумел с необыкновен-

ной силой и глубиной поэтически воссоздать жизнь и борьбу величайшего вождя социалистической революции. Образ гениального вождя и человека, созданный Маяковским, остается непревзойденным в советском искусстве. Отдельные стихи и строфы изумляют своей лаконичностью и силой правды:
Партия и Ленин —
близнецы-братья, —
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим — Ленин,
подразумеваем — партия,
мы говорим — партия,
подразумеваем — Ленин.
— Образ Ленина в поэме Маяковского — образ вождя народов всех стран, борца за счастье всех угнетенных и обездоленных. Вот почему, оплакивая Ленина, «склоняясь в горе, прохорят китайцы, вот почему плачут над Лениным негры из Штатов».
Поэма стала большим событием в развитии искусства социалистического реализма. В 1927 году к десятилетью Великой Октябрьской социалистической революции Маяковский написал поэму «Хорошо».
Поэт был великим глашатаям идеи советского патриотизма, выразителем всенародных чувств любви к социалистическому государству. Советский Союз для Маяковского — это прежде всего родина Октябрьской революции, маяк для трудящихся всего мира, освещающий им дорогу к лучшему будущему. Вот почему в поэме «Хорошо» Маяковский говорит о Советском Союзе, как о социалистическом отечестве всех трудящихся.
Оглядываясь на победный путь, пройденный советскими людьми, путь героический и в то же время полный лишений и трудностей, Маяковский утверждает единство интересов государства и народа.

Поэт горд своей советской страной, размахом ее планов.
Не случайно, что свою поэму и многие из стихов о советском патриотизме, о любви к социалистическому государству Маяковский написал, вернувшись из заграничной поездки по странам Европы и Америки. Там он ощутил с особенной остротой превосходство советского социалистического строя над буржуазным.
Очутившись в 1925 году в Америке, поэт увидел лживость «демократических» американских «свобод», растленность американской буржуазной культуры, морали и быта.
Советская страна в ту пору только вступала на путь социалистической индустриализации, на путь преодоления той отсталости, которую оставил ей в наследство царизм. Но Маяковский уже ясно видел блестящее будущее своей социалистической Родины.
«Как вам нравится Америка?» — спросил Маяковского один прогрессивный американский журналист, с которым поэт прогуливался по шумной Пятой Авеню. Ответ Маяковского показывается, как умел видеть будущее этот великий мастер социалистического реализма.
«Мы только еще начинаем. Трактор для нас большое событие... Новая электрическая станция — совсем замечательная вещь... И все же здесь так темно, а у нас весело; тут все дышит умраньем, тленом, а у нас бурлит жизнь, у нас подьем...»
Мне кажется, что, идя тут с вами по богатейшей улице на свете, с высокими домами, дворцами, отелями и магазинами и массой людей, я блуждаю по развалинам, и меня гнетет тоска. Почему этого не чувствую в Москве? Ответ простой. Там кипит энергия всего трудящегося народа — коллектива... Тут нет энергии, только одна сутолона бытия — толку массы угнетенных людей, которых кто-то гонит, как стадо, то в подземку, то из подземки... Радости отмерены аршином, печаль отмерена аршином. Даже детское рождение — профессия... Разве это свобода? Вы помните мою «Мистерио-буфф»:
— Кому бублик, а кому дырка
от бублика —

Это и есть демократическая республика...
Наша это пятьдесят миллионов — вот кто строит настоящий индустриализм...»
Два мира, две культуры, две морали — человеческая и волчья противопоставлены в стихах и очерках Маяковского об Америке. Гражданин самой свободной страны в мире, Маяковский чувствовал, что его давят «горы злобы», его душит ненависть к «его препохобному» капиталу. С отвращением ставился он на каждом шагу к поруганным достоинством человека. С особенным негодованием относился Маяковский к тяжелому положению женщин в буржуазном обществе Европы и Америки.
Маяковский увидел воплощение лживости, лицемерия американской демократии и в прославленной Статуе Свободы. В стихотворении «Порядочный гражданин» он писал:
...страшен ханжества,
и сала,
палит
руку
ваша свобода
над тюрьмой
Элис-Айленд.
Верой в растущие силы угнетенных и обездоленных, горячим сочувствием к трудящимся пронизано все написанное Маяковским об Америке. Поэт видел в простых людях Америки друзей страны социализма. Приехав в Чикаго, он побывал на митинге первых поповенных рабочих-революционеров. В своих очерках он писал:
«Сейчас на камне их братской могилы слова речи одного из обвиняемых: — Придет день, когда наше молчанье будет иметь больше силы, чем наши голоса, которые вы сейчас заглушаете».
При жизни Маяковского германский фашизм еще только готовил силы для захвата власти. Но острым политическим чутьем поэт понимал, какую опасность для всего человечества представляет отвратительная фашистская банда. Злободневно звучат по адресу поджигателей войны многие стихи Маяковского и в наши дни.
Маяковский твердо верил, что силы

демократии и социализма победят. С огромной радостью приветствовал он первые успехи Китайской революционной армии.
Предвидение и прославление будущего было органической чертой поэмы Маяковского. Он ждал мыслями и чувствами передовых людей своего народа. Маяковский понимал огромное значение культуры для обеспечения дальнейших побед социализма. Предвидя успехи ее развития, он в стихотворении «Домой» писал:
Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чужим чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин.
В устремлении к будущему, в борьбе за будущее, он и выработал свой художественный метод, о котором сказал так:
И мы реалисты,
но не на подножном
корму,
не с мордой, упершейся
вниз, —
мы в новом,
грядущем быту,
помноженном
на электричество
и коммунизм.
В этом и состоит характерная черта творчества Маяковского как представителя искусства социалистического реализма, отражающего действительность глубоко и правдиво, в ее революционном развитии.
Вот почему произведения Маяковского, созданные 20—30 лет назад, полны и теперь живого значения. Товарищ Сталин сказал о поэте: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». Поэзия Владимира Маяковского — великого поэта Великой революции — бессмертна.
В. ПЕРЦОВ.
1) В. Каталин, Маяковский, Литературная хроника, изд. Советский писатель, стр. 232—233.

